

рательный блок «Отечество – вся Россия». Чем мы отличаемся от других: Предвыборный буклет. М., 1999; Правый манифест. М., 1999; Предвыборная платформа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия». М., 1999; Программа и Устав Либерально-демократической партии России. М., 1999; Тезисы платформы избирательного блока «Единство». М., 1999; Тезисы к программе «ЯБЛОКА» на выборах депутатов Государственной Думы 1999; Материалы для обсуждения. М., 1999.

¹⁹ Феномен многопартийности в российском обществе. С.174–175.

²⁰ См.: *Путин В.* Россия не должна быть и не будет полицейским государством // Известия. 2000. 14 июля.

²¹ См.: Программа Общероссийской политической общественной организации «Отечество», утвержденная на втором съезде этой организации 24 апреля 1999 г. в г. Ярославле; Программа общероссийской политической организации – партии «Единство», утвержденная ее вторым съездом 29 октября 2000 г.

²² *Сурков В.* Параграфы про суверенную демократию // Эксперт. 2006. №43(537). 20 нояб.

²³ Поэтому данная тема требует отдельного самостоятельного рассмотрения.

УДК 323:316.422

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: FilatovNN@info.sgu.ru

В статье рассмотрены и критически оценены концептуальные основы, представленные в политико-философском альманахе «Квинтэссенция», авторы которого претендовали на теоретико-методологическое и идейно-мировоззренческое обоснование политического и социально-экономического курса перестройки. Проведенный анализ актуализирован с позиции методологической применимости для критического научного осмысления современных концепций демократического транзита.

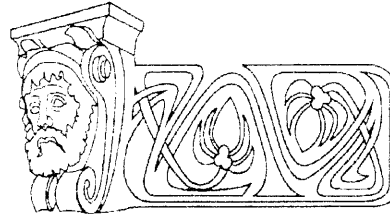
The Peculiarities of Conceptual Foundations of "Perestroika"

N.N. Filatov

In this article the main conceptual foundations, presented in the political and philosophical almanac "Quintessence", are considered and critically estimated. The authors of the almanac pretended to work out the theoretical, methodological and ideological foundation of political, social and economic course of "Perestroika". The fulfilled analysis is actualized from the position of methodological appliance for critical scientific understanding of modern democratic transit conception.

За время российских демократических реформ было выдвинуто большое число экономических, политических, культурных и правовых проектов и программ. Все они имели серьезное научное обоснование и, тем не менее, не были доведены до запланированного результата. Почему? Это тот вопрос и тот опыт, от ответа на который и от осмысления которого зависят многие оценки современных политических реалий. В общем плане, от этого зависит оценка принципиальной возможности для России завершить свой демократический транзит на научных основаниях и с научно прогнозируемым результатом.

Одним из судьбоносных и переломных моментов в истории нашей страны была перестройка, проблемы которой до сих пор

привлекают внимание многих исследователей¹. Неуспех ее политических замыслов нередко объясняют влиянием внешних обстоятельств: что-то непредусмотренное вмешалось в ход событий и разрушило стройность научной программы. Но можно выбрать и другой ракурс, связанный с ответом на вопрос: а так ли «стройна» была сама эта программа? Думается, факт ее нереализованности более, чем с внешними обстоятельствами, связан с внутренними противоречиями в концептуальных основаниях тех суждений, которые выполнили функцию идеологии перестройки. Эти внутренне противоречивые суждения впоследствии объективно создали и предпосылки для либеральной критики любых попыток усовершенствовать социалистический строй в СССР.

Внешне интеллектуальный процесс в период перестройки развивался в нормальном русле. Провозглашен был концептуальный плюрализм². На уровне академической науки декларировалось уничтожение зон, закрытых для научно-исследовательского интереса и критики³. Однако внутреннее качество этого интеллектуального процесса определялось другими факторами. В первую очередь, логикой острого конфликта в конце 80-х и начале 90-х гг. минувшего века традиционных советских и новых либерально-демократических (западнических) идей и ценностей.

На качество этого интеллектуального процесса отчасти влияло и то, что активизировалось стремление отечественных ученых

поучаствовать в политической борьбе и использовать этот ресурс (ресурс, так сказать, «активной гражданской позиции») для упрочения своего профессионального статуса, популяризации своих научных достижений и продвижения их на российский «рынок» идеологий. Последнее обстоятельство тоже было немаловажным. Как и многие реформы в истории России, перестройка начиналась и проходила без четкого видения политической элитой, инициировавшей ее, итогового результата. Научное прогнозирование результата демократических преобразований, фактически, было замещено лозунгом «Так жить нельзя!».

Эта ситуация создавала спрос на теоретические предложения того, как жить можно и нужно, то есть, на идеологические по сути своей конструкции. Любое научное и даже публицистическое рассуждение на тему «почему ему жилось плохо и что надо делать, чтобы жить лучше» объективно становилось заявкой на сотворение идеологии «обновленного социализма». Сегодня уже есть некоторый опыт практической реализации тех идеологических «заданий» обществу и власти, которые были инициированы интеллектуальной элитой в период перестройки. Исследование этого опыта позволяет отчетливее представить себе уязвимые стороны анализируемых концептуальных подходов. Соответственно можно представить себе и меру доктринальной детерминации тех противоречий, которыми был отмечен в последние два десятилетия демократический процесс в России.

На рубеже 80-х – 90-х гг. появился целый ряд сборников научных статей и публицистических альманахов, которые в силу отмеченных выше факторов были восприняты современниками как своего рода «евангелия перестройки», собрания идеологических императивов, на которые должно ориентироваться массовое и элитарное сознание¹. В этом смысле указанные сборники представляют собой очень благоприятный источник для политологического анализа внутренних противоречий в теоретическом обосновании перестройки.

Для конструктивной критики противоречий важно выбрать определенный ракурс, конкретный момент в концептуальных построениях, вокруг которого выстраивались эти самые противоречивые суждения. В рамках данной статьи предметом анализа избра-

ны противоречия в теоретических суждениях о «предпринимательстве» и «предприимчивости», как позиции личности, определяющей ее политическую позицию в процессе демократических реформ. А объектом исследования стали материалы философского альманаха «Квинтэссенция»⁵. Обусловлено это тем, что само название сборника содержит в себе заявку на то, что представленные в нем научные и публицистические оценки и суждения представляют собой некий сгусток интеллектуального творчества, некое концентрированное выражение гражданской позиции сообщества демократически мыслящих ученых, их представления о перспективах перестроечного процесса. Творчества, направленного, как об этом заявлено в статье А.И. Бутенко, на формулирование ответов на «важнейшие», т.е. идеологические, вопросы: «... в чем источник наших сегодняшних экономических, политических и социальных бед? К чему мы стремимся? И – каким образом достичь желаемого?»⁶. Иначе говоря, само название предполагало заявку на идеологическую функцию материалов, представленных в сборнике.

Материалы сборника позволяют выделить несколько линий теоретического творчества, по которым обнаруживается концептуальное несовершенство теоретических оснований перестроечного процесса.

Первая линия связана с областью теоретических суждений, объединенных общим для всех них концептуальным противоречием между определением сущностных качеств демократии вообще и определением качества демократии в России, в частности. Противоречие состоит в том, что базовым принципом демократического общежития теоретически позиционирован был полный идейный плюрализм, ситуация свободного творческого конкурирования любых, подчеркнем – любых, идей и принципов. Такая свобода конкуренции была выдвинута в качестве условия, определяющего демократический прогресс в «посттоталитарном» политическом пространстве. «Демократическая тотальность» мыслилась естественным инструментом преодоления «тоталитарного» наследия советской эпохи, а потому теоретическая философская мысль отечественных политических аналитиков совершала инверсию: раз концептуальный плюрализм есть условие демократического прогресса, то альтернативы демократии в концептуальной сфере нет.

То есть практически такая альтернатива существует в виде рецидивов коммунистической и консервативно-националистической идеологий, но с этими рецидивами необходима беспощадная борьба на уничтожение. Без полной и окончательной победы демократической идеи в ее либеральном варианте российская демократия как идея и процесс по сути своей безальтернативна. Согласие массового сознания с этой установкой обеспечивалось широким тиражированием в публицистических и научных изданиях лозунга, что «альтернативы перестройке нет!».

Тем самым автоматически не просто сужалось пространство теоретических дискуссий до масштабов апологетики перестроечных идей и практик, а от участия в этих дискуссиях просто отсекались все те теоретики, кто пытался критически осмыслить выбранный элитой путь реформ. При этом логика рассуждения выстраивалась примерно так: сейчас нужно демократическое единомыслие ради того, чтобы в дальнейшем развившийся плюрализм мнений был только чисто демократическим плюрализмом и возврата в прошлое бы не было. Заявлялось, что «отсутствие выбора с неизбежностью приводит в тупик», что «чем меньше предлагаемых вариантов, тем больше зависимости от одного единственного просчета, тем вероятнее риск трагического отклонения от социалистического пути»⁸.

И тут же рядом располагалась сентенция следующего плана: «Перестройка прошла еще слишком короткий путь, чтобы можно было со знанием дела судить о ее возможностях. Однако уже сегодня ясно, что альтернативы ей нет... Нужно немало условий, чтобы наше общество пришло к качественно новому состоянию. И среди них на одном из первых мест стоит избавление от иллюзий, касающихся и нашего прошлого, и настоящего, и будущего. По мере того как это будет происходить, мы все больше будем утверждаться в том, что перестройка означает движение от авторитарного единообразия к демократическому многообразию во всем ...»⁹. Данная сентенция дополнялась еще более однозначным высказыванием: «Перестройку не осуществить без единства воли, единства действий. В подтверждение этого очевидного положения вряд ли нужны какие-то доказательства»¹⁰, «к объединению на принципиальных основах революционного обновления нельзя прийти иначе, как гласно развенчивая антиперестроечные платформы»¹¹.

Таким образом, общественному сознанию предлагался не четкий идеологический императив, а предлагалось самостоятельно догадываться, что ему делать: то ли развивать концептуальный и политический плюрализм, то ли «давить» всех «врагов перестройки» ради светлого будущего грядущих поколений.

Вторая линия – приспособление параметров либеральной демократии к совершенствованию альтернативной ей по сути идеи советской демократии. Здесь наблюдалась та же замена четких научных и идеологических позиций публицистическими загадками. Например, В.П. Мотяшов о плюрализме как основании, по которому в соответствие с мировыми стандартами должна быть приведена вся стилистика отечественной общественно-политической жизни, писал: «В нем заключено общечеловеческое и классовое. Вспомним, какие аргументы в защиту плюрализма приводят буржуазные идеологи и политики. Они связывают с плюрализмом "равенство возможностей", "свободу выбора", "раскованность субъекта", "демократию в действии" и множество других подобных ценностей, которые вовсе не противоречат социализму»¹². Оригинально, в либерально-демократическом стиле, был переформулирован социалистический принцип «от каждого по способностям, каждому – по труду». В новой версии он интерпретировался так: «... свободное соревнование индивидуальностей в условиях плюрализма... воздаст каждому по его уму, таланту, компетентности, трудолюбию, инициативности»¹³.

Исторически советская демократия возникла как теоретическая и практическая попытка усовершенствовать применительно к меняющимся условиям социально-политического и экономического развития классическую либеральную доктрину. Теоретики перестройки, вопреки исторической логике культурных процессов, пытались усовершенствовать концепцию и практику советской демократии при помощи положений классического либерализма. Абсурдность такой логики формально прикрывалась ссылкой на вневременной «общечеловеческий» потенциал ценности фундаментальных идей и принципов либерализма.

Фактически, вместо усовершенствования концепции социалистического строительства, получалась теоретическая аннигиляция тех усовершенствований, которые при помощи этой концепции были привнесены в

классическую версию либерализма. Такие попытки теоретически представить себе процесс перехода к либеральной демократии как процесс усовершенствования социализма относительно долго поддерживали общественное сознание в неуверенности относительно того, что же происходит в реальности: строится буржуазное общество или перестраивается социалистическое?

Третью линию обозначало противоречие в оценках исторического состояния и политико-культурного потенциала советского общества. Оно представлялось как общество, задавленное тоталитаризмом и постоянно генерирующее тоталитарные идеи и практики, и в то же время готовое тут же, при самом минимальном снятии формальных запретов и ограничений на его творческую активность выступить в качестве силы, способной построить в России усовершенствованный социализм, а позже – полноценную либеральную демократию. Оценки были весьма критичны. «Общество – рассуждал один из аналитиков, – в котором на протяжении нескольких поколений преимущественного успеха достигают конформисты, в результате оказывается перед лицом катастрофической нехватки человечности, нравственности, справедливости. В таком обществе неизбежно начинают господствовать лицемеры, приспособленцы, циники, эгоисты, хапуги и рвачи. А жизненными неудачниками вполне закономерно... нередко становятся истинные поэты, которые уходят в истопники, философы, предпочитающие мести дворы, ученые, работающие ночными сторожами. ... в огромном дефиците самостоятельности, предприимчивости, нестандартности, оригинальности...»¹⁴.

Внутреннее качество советского общества характеризовалось так: «Уделом личности, вынужденной ломать себя и лицемерить, дабы не быть подвергнутой ostrакизму, становится беспринципное приспособленчество, конформизм. А масса, растворяющая в себе личность, оказывается беззащитной перед попытками совершать от ее имени несправедливые дела»¹⁵. «Отнятая у личности, ставшая анонимной, ответственность обертывалась всеобщей безответственностью»¹⁶.

На вопрос о том, какие «силы» прежде мешали и теперь еще мешают исправить социально-политические отношения, дается однозначный ответ: «психология казенного человека»¹⁷. Констатировались такие сущно-

стные качества советского стиля общественного бытия, как «гарантированная оплата любого безделья», «разрушение духовного здоровья народа», «социальное изживенчество», «проедание невозобновимых национальных богатств», «потребительство», «омещанивание», «социальное нахлебничество», «достаток при минимуме собственных усилий»¹⁸.

Здесь есть вопрос по существу. Как с таким человеческим материалом строить гражданское общество? Где тот тип гражданина, который вообще способен вдохновиться светлым идеалом демократического будущего? Но это сомнение никак не влияло на оптимизм теоретиков перестройки.

Фактически же, вместо конструктивного творческого сознания и желания активно действовать политическая публицистика периода перестройки формировала в обществе жалость к самому себе. Установку на пассивное переживание горя от бесцельно прожитых при социализме десятилетий.

Четвертая линия – это некорректное употребление обобщающих оценок и характеристик советского и постсоветского обществ и властных элит, а также общественных и политических институтов. Распространение достаточно частных характеристик отдельных субъектов политического процесса в переходный период на всю совокупность субъектов.

То есть сведение характеристик общего к характеристикам частного. Это выражалось в таких, например, констатациях: «Реально существующий социализм не принес духовной свободы человеку»¹⁹. Весь советский политический опыт квалифицировался как «попытки сплотить народ на основе подавления и нивелировки личности», которые имели «губительные последствия как для общественного, так и для индивидуального развития»²⁰. «За минувшие десятилетия в нашей стране вырыт глубокий ров между, например, интересами работника и трудового коллектива, между интересами трудового коллектива и общества в целом»²¹.

Пятая линия состоит в том, что произошел фактический возврат политического анализа в русло просветительской методологии рационализма. Что хорошо для индивида – хорошо для общества, и нет разницы между политическим мышлением одного человека и мышлением других людей, занятых политикой. Теоретически это позиционирова-

лось так: «Государственный интерес становится фикцией, когда из-под него вымыта его реальная база – интерес отдельного человека»²². Утверждалось, что «будет создан механизм, который сделает выгодным и для разных социальных групп, для каждого трудового коллектива, каждого человека»²³.

Сам по себе, как метод анализа, популярный в прошлые времена, рационализм может быть и не плох. Если, к тому же, последовательно его применять. Но такой последовательности в теоретических рассуждениях как раз и не наблюдалось. Следом за провозглашением возможности тождества государственного и частного интересов столь же категорично (за счет немотивированного отождествления корпоративного интереса как такового с ведомственно-клановым интересом в его конкретных проявлениях) провозглашалась и принципиальная невозможность для общества выразить свою политическую субъектность посредством «корпоративного интереса». Заявлялось, что корпоративный интерес «всегда противостоит интересу общественному»²⁴, что корпоративный интерес (он же бюрократический) всегда рождает «бездействие и псевдоактивность»²⁵.

Такое утверждение не принимало во внимание опыт исторического восхождения к политическому лидерству европейского третьего сословия. Кроме того, оказался не принятым во внимание почти двухсотлетний опыт научных дискуссий в сообществе европейских философов, историков, юристов и политологов, в ходе которых сложилось представление о принципиальной несопоставимости интересов государственной системы и интересов индивида. В силу их различной конфигурации и различной динамики, разного ресурсного подкрепления и разного результата действий по их реализации. Реализация частного интереса имеет результатом сформирование личности гражданина, а реализация государственного интереса имеет результатом политику, и это две разные реальности.

В духе рационалистической методологии выдержано и следующее суждение: «Если и есть реальная основа бюрократического авторитета, то в первую очередь и главным образом это – неведение масс»²⁶.

Концептуальным суждениям теоретиков перестройки свойственно было рассуждение о человеке вообще, противостоящем бюро-

кратии вообще. Отсюда чисто рационалистическая идеализация западных принципов и практик демократии, не соотнесенная с многообразием реального исторического демократического опыта, придание демократии вида вневременной и внепространственной реальности. «... Поражение в деле духовного освобождения людей объясняется прежде всего извращением принципов реальной (где эталон? – *И.Ф.*) социальной справедливости, подменой этих принципов ложной идеей всеобщей одинаковости»²⁷. Или так: «Мы сегодня яснее, чем когда бы то ни было, видим: все, что огромным трудом народа было сделано до сих пор, могло бы делаться лучше, быстрее, экономнее, с меньшими затратами, если бы на всех этапах нашей социалистической истории развитие шло как свободное соревнование идей, аргументов, позиций, как реализация наилучших, доказавших свои преимущества (т.е. западных. – *И.Ф.*) вариантов»²⁸.

Под маркой передовой диалектики нового политического мышления общественному сознанию подавался чистейший рационализм с его идеей существования некоего верховного разума, направляющего просветившихся людей к абсолютной истине. Это, правда, решало одну шекотливую проблему: позволяло понимать социализм в идеале как ту же либеральную демократию. Идеализация этих двух достаточно разных объектов анализа позволяла скрадывать их существенные противоречия: «Ведь социализм по природе своей отвергает ущемление личности, идеологию людей-«винтиков», слепых исполнителей. Ему в корне противоречит сплочение индивидов на основе их усреднения, подгона под общий шаблон. Социалистическими формами общественного единения являются лишь такие, которые наилучшим образом помогают реализовать гуманные цели и ценности нового строя»²⁹.

Из этого следовало, что фактически советское общество при социализме и не жило, а потому у него есть перспектива пожить при социализме, который на деле и есть эта самая либеральная демократия, которую в советское время зря критиковали. Естественно, что такая замысловатая логика не могла стать основанием идеологического императива.

Шестая линия – смешение количественной и качественной оценки явлений и процессов. Подход был примерно такой:

больше институтов демократии – больше демократической культуры. «Долгое время, – писал один из авторов сборника, – мы считали себя передовыми, выдвигали всякие гуманистические лозунги. Но как они совмещаются с тем, что у нас нет ни Института экологии, ни тем более Института экологии человека? Нет у нас и Института генетики человека, что говорит об очень многом»³⁰. Ход мысли прост: хочешь решить проблему – создай какой-нибудь институт (общественный или в виде административной структуры). Но такой подход плохо сопрягается с общим антибюрократическим, а значит и в большей мере антиинституциональным пафосом политической «перестроечной» науки и публицистики.

Характерно высказывание по поводу новых образовательных институтов: «Запрещены кооперативные школы – опять-таки вроде бы из благих намерений соблюдения принципа социальной справедливости... государство боится потерять монополию на школьное образование, так как перед государственной школой по-прежнему кроме образовательных задач стоит и задача воспитательная... Позволим здесь все-таки выразить наше глубокое убеждение: не обойтись нашей стране без всех этих школ. Все они будут. Рано или поздно. Лучше бы прямо сегодня...»³¹.

В свете таких суждений общественное сознание опять же оставалось в неведении своих практических задач: то ли бороться с бюрократией и всеми институциональными воплощениями ее властвования, то ли вести эту борьбу выборочно (но каков тогда принцип борьбы?), либо обустривать демократию созданием еще большего, чем прежде, числа институтов.

Получилось так, что концепция перестройки рождалась как процедура критической внутренней рефлексии, самокритики и покаяния советской интеллигенции, как инструмент ее самооправдания в собственных глазах и глазах общества. Политическая мысль перестройки в плане своих методологических установок вернулась к рационалистическому методу анализа социально-политических явлений и процессов. Общество же не получило целостной и функциональной идеологии реформ и оказалось вынуждено двигаться вперед ослепло.

Примечания

- ¹ См.: Брунетт К.И. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005; Кузнецов В. Три варианта горбачевской перестройки. Прорыв к свободе, о перестройке 20 лет спустя. М., 2005; Ивбин А.В. Парадоксы перестройки. Униженный шанс СССР. М., 2005; Варламов В. Истоки перестройки // Слово, 2001. № 1. С. 71–89.
- ² См.: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.
- ³ См.: Тернистый путь к политическому плюрализму: проблемы, конфликты, перспективы («круглый стол») // Вопросы истории КПСС, 1990. № 8. С. 15–25.
- ⁴ См., напр.: Историк и спорят. Тринадцать бесед. / Под общ. ред. д-ра ист. наук В.С. Пельяку. М., 1988; Иного не дано / Под ред. Ю.И. Афанасьева. М., 1988; 50/50: Опыты словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферлю и Ю. Афанасьева. М., 1989.
- ⁵ См.: Квинтэссенция: философский альянс. М., 1990.
- ⁶ Бутенко А.И. Природа культуры и характер личности // Квинтэссенция... С. 148.
- ⁷ Мотышов В.И. Плюрализм: возможно ли единство? // Квинтэссенция... С. 87.
- ⁸ Там же. С. 87.
- ⁹ Там же. С. 80.
- ¹⁰ Там же. С. 101.
- ¹¹ Там же. С. 105.
- ¹² Там же. С. 85–86.
- ¹³ Там же. С. 97–98.
- ¹⁴ Эфроимсон В.П., Изюмова Е.А. На что мы падаем, или нужно ли растить геинов? // Квинтэссенция... С. 30.
- ¹⁵ Мотышов В.И. Указ. соч. С. 83.
- ¹⁶ Там же. С. 84.
- ¹⁷ Там же. С. 91.
- ¹⁸ Там же. С. 96.
- ¹⁹ Эфроимсон В.П., Изюмова Е.А. Указ. соч. С. 38.
- ²⁰ Мотышов В.И. Указ. соч. С. 82.
- ²¹ Там же. С. 88.
- ²² Там же. С. 90.
- ²³ Королев С.А. Административно-командная система: генезис и эволюция // Квинтэссенция... С. 94.
- ²⁴ Мотышов В.И. Указ. соч. С. 91.
- ²⁵ Королев С.А. Указ. соч. С. 129.
- ²⁶ Мотышов В.И. Указ. соч. С. 93.
- ²⁷ Эфроимсон В.П., Изюмова Е.А. Указ. соч. С. 39.
- ²⁸ Мотышов В.И. Указ. соч. С. 83.
- ²⁹ Там же. С. 84.
- ³⁰ Фролов И.Т. Возвращение к человеку // Квинтэссенция... С. 13.
- ³¹ Эфроимсон В.П., Изюмова Е.А. Указ. соч. С. 36.